

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ ИМЕНИ

Работа «Имена» написана П. А. Флоренским в 1923-1926 гг. В Проспекте цикла «У водоразделов мысли», объявленного в 1922 г., указаны два выпуска, которые на наш взгляд, прообразовала две части работы «Имена»: теоретическая — выпуск 10 «Метафизика имени в историческом освещении»; эмпирическая - вып. 11 «Имя и личность». Теоретическая часть работы (XXII глава) полностью публикуется впервые (ранее опубликованы в сокращенном варианте главы I-V- «Вопросы литературы», 1988, № 1). Эмпирическая часть работы (описание 18 парных мужских и женских имен как типов личности) опубликована в журнале «Социологические исследования» (1988, № 6; 1989, № 2-6). Работа «Имена» публикуется по оригиналу (машинопись, правленая автором — семейный архив Флоренских). В примечаниях и выверке текста использованы авторские подготовительные материалы.

В книге П. А. Флоренского «Имена» представлена оригинальная теория художественного творчества, в которой показано, как неповторимость художественного образа, порождаемого, самим звучанием имени, творит ткань художественного произведения. Идеи, развитые в предыдущей главе «Строение слова» многоотомной энциклопедии «У водоразделов мысли», продолжают о. Павлом через выявление не только того факта, что в «слове заключен образ», во что эссенция слова, сгущенная его энергия в «имени» неразрывна с порождающей энергией бытования образа. Поэт одержим именем (гл. I) в телесной оболочке «имени», что можно проследить на примере Марки - персонажа из цикла «Этюды о нравах». «...Придам к его имени "Z" - это прибавит ему огонек, искру» - начало рассказа Бальзака, которое цитирует в своей работе о. Павел, посвящено детальному описанию влияния имени на судьбу и деятельность человека. Бальзаковский текст, полностью приведенный ниже, содержит своего рода ключ к идее всей работы о. Павла Флоренского: «Я ни разу не встречал, даже среди наиболее замечательных людей нашего времени, человека столь поразительной наружности; изучение - этого лица внушало чувство грусти, переходившее под конец в ощущение, сходное с болью. Существовало какое-то соответствие между этим человеком и его именем. Буква „Z“, стоящая перед фамилией Маркас, - буква, которую можно было видеть на всех адресованных ему письмах, которую он никогда, не забывая проставить в своей подписи, — эта последняя буква алфавита заключала в себе нечто неувловимое, роковое. Маркас! Повторите про себя это имя, состоящее из двух слогов: не чувствуете ли вы в нем какое-то зловещее значение? Не кажется ли вам, что человека, который носит это имя, ждет удел мученика? Хоть это имя странно и дико, у него все права на то, чтобы сохраниться в памяти потомства; оно звучит стройно, оно легко произносится, ему присуща та краткость, которая подобает прославленным именам. Не ощущается ли в нем нежность, равная его необычности? Но не кажется ли оно вам также незаконченным? Я не взялся бы утверждать, что имена не оказывают никакого влияния на судьбу. Существует тайная и необъяснимая гармония или, наоборот, явный разлад между именем человека и событиями его жизни; вдесь нередко вскрывались отдаленные, но действительные соответствия. Битком набит весь шар земной, все в нем находится в связи со всем. Быть может, когда-нибудь люди вернуться к тайным наукам.

Не видится ли вам в форме буквы "Z" нечто изломанное внешним противодействием? Не отображают ли очертания этой буквы неверный и причудливый зигзаг бурной жизни? Что за ветер дохнул на эту букву, которая во всех тех языках, где она существует, стоит во главе каких-нибудь пятидесяти слов, не более! Маркаса ввали Зефиреном. Святой Зефирен-один из наиболее почитаемых бретонских святых. Маркас был бретонец»

На примере звучания имени Мариулы из «Цыган» Пушкина (гл. II), образа Сюзанны у Бомарше П. Флоренский дает картину рождения художественного произведения. И тут нельзя не вспомнить слова другого теоретика слова повлиявшего на его идеи поэта-символиста Вяч. Иванова. В своей статье о Пушкине он писал: «Имя он нарекает тому, что зачалось и быть могло, но стать не могло», что ждет, чтоб его позвали по имени и тем вызвали к жизни.

«И небылица билью станет,
Коли певец ее помянет,
Коль имя ей умел наречь».

Именуя, поэт «высвобождает мотылек - сознание - из темных покровов». «Имя умел наречь» - значит его подлинное услышал. Тут нельзя не вспомнить знаменитое изречение Аристотеля: «поэзия философичнее истории».

Мысли свои о творчестве П. Флоренский высказывает, всматриваясь в творчество «имеславца» Пушкина. И здесь, опять уместно привести слова его предшественника Вяч. Иванова. Именуя вещи и их отношения, Пушкин берет их «эйдетически... — неизменно выявляет в них идею как прообраз». Отсюда естественное оживление вещей... Если принимать «идею» не как отвлеченное понятие, а как реальность умозрения у Платона,-вещи «тем более живы, чем яснее впечатлеваются на них животворящая и связующая их с живым целым идея». Имена Пушкина, по мнению Вяч. Иванова и Павла Флоренского, «суть живые энергии самих идей». Пушкин, говорит Вяч. Иванов, «право именуется сущности, они же сами непосредственно являют, в ответ на правое их наименование, свою связь и смысл до некоей заповедной черты, когда наименование прекращается, потому что за нею — область немoty, где сущности говорят уже не живым, а, говоря стихами: «мертвым языком о тайнах вечности и гроба». Художественные темы есть имена как проявления духовной сущности (гл. III).

Поэтическое инобытие - не последний предел возможного для человека восхождения. Восхождение «в соседство Бога»-это уже подвиг святости. И оттуда, от небесного чертога, где обитает святой, он несет на соименные существа анергию своего жмени. Об этом вторая часть книги П. А. Флоренского. В литературном творчестве «имена» суть категории познания личности (гл. IV). Пытаясь строить универсальную систему «именотворчества», Флоренский приходит по существу к единой теории, связывающей личность с культурой через типологию имени и с социальной проблематикой через фольклор и архетипы народного сознания, предвосхищая работы таких известных антропологов и социальных психологов как Карл Густав Юнг и Клод Леви-Стросс.

Едва уловимый, зыбкий прообраз в изначальном звукообразе, особенно, как показывает Флоренский, при исследовании народного фольклора в народной поэзии - «Реестр о дамах...», менее оформлен, нежели звук. В мифотворческом народном сознании, пишет Вяч. Иванов, «образ является ... не данным, а заданным; это задание и питает позднейшие мифологемы... Заклинание отличается по форме от пра-мифа... императивом глагола; оно включает в себя или предполагает пра-миф». Флоренский также показывает в книге «Имена», что в литературном творчестве имена суть *категории* познания личности. И тогда личность сама по себе предстаёт как соединяющая в себе народное сознание с типологической определенностью своего имени (гл. IV). Вяч. Иванов признавал, что звуковой жест вместе с ритмом играет «важнейшую роль в возникновении стиха как заговорной формулы», но он не переставая настаивать, что едва уловимый, зыбкий прообраз в изначальном звукообразе (часто, особенно в народной фантазии) менее оформлен, нежели звук». «Рифма есть свойство имени»,-считает Флоренский, что роднят художественное творчество с восприятием личности в жизни и формирует «типический склад личности» (гл. V). Определенность жизненного пути обусловлена святым, как носителем *имени* своего. «По имени-житие, а не имя по житию». Имя в оценке Флоренского - тип, духовная конкретная *норма* личностного бытия, как *идея*, а святой ее наилучший ее выразитель (гл. VI).

Переходя от психологии и теории творчества к социологическим аспектам бытования имени (в гл. VII), Флоренский определяет имена как «фокусы социальной энергии» (магия имени, гл. VIII). От социального плана он переходит к культурному фону (гл. IX), порождаемому именем. Тут имена-эмблемы непостижимого, они связаны со знаменами, со знаменательными явлениями природы, тут и различные проявления культуры, их общечеловеческая значимость.

Таковы, например, географические названия и т. п. Историческая типология имен складывается при этом в логику общественных отношений, они становятся «лозунгами смысла» (гл. X). Рассматривая на примере имен «Иаков», «Варфоломей», какие события истории связаны с носителями подобных имен, он переходит (в гл. XI) к изложению истории жизненных циклов личности на протяжении всей жизни от «райского периода в 3,5 года до формирования "я"» - первый прорыв первородного греха и вплоть до формирования устоявшегося типа носителя данного имени. Через социальную психологию имени Флоренский движется далее к общей теории имени как системы (последующие гл. XII-XXII). В своей теории имени он выявляет «тип имени как представителя рода».

В другой работе и по другому поводу о. Павел говорит о родовой ответственности и ее значении: «Жизненная задача всякого - познать строение и форму своего рода его задачу, закон его роста, критические точки, соотношения отдельных ветвей и их частные задачи, а на фоне всего - познать собственное свое место

в роде и собственную свою задачу, не индивидуально свою, поставленную себе, а свою как члена рода, как органа великого целого; только при этом родовом самопознании возможно сознательное отношение к жизни своего народа и к истории человечества...» При этом и определенный жизненный тип «закрепляется речью через имя». Именем выражается тип личности, онтологическая форма, которая определяет духовное и душевное строение (гл. XIII). Особенно интересны для теории литературы выводы Флоренского относительно «эссенциальности и онтологической сущности имен» (гл. XVIII). Тут устанавливается связь нравственной ценности личности с наследственными признаками (такими как музыкальность) или врожденными пороками (как, например, пьянство). С именем связаны «пластичность» личности (гл. XX), с одной стороны, и индивидуализация, с другой, когда, например, имя отцовское преобладает над собственным именем данного лица через отчество (гл. XXI). Логический вывод из замечательного межпредметного системного исследования имени, предпринятого Флоренским, что «типы духовного устройства соответствуют именам (гл. XXII)». Единственно возможный метод освоения имен — путь интуитивного проникновения в них.